

Хмурой, нескончаемой пятницей уезжал я из Кумарина в Прёт. Не по делу и не просто так, а по какой-то непонятной тяге. Что-то меня влекло.

Сойдя с тощим рюкзаком с подножки маршрутки на привокзальной площади, я уже собрался было идти к билетной кассе, как обнаружил, что стою аккурат в псиной блевотине.

Закурил. Задумался. Сколько раз уже я в нее ступал?..

Пасть кассы выплюнула клочок бумаги, извещавший о том, что место мое в микроавтобусе – тринадцатое и что до отправления целый час. А ботинки уже начинали вонять давешними собачьими харчами. Мухи роились возле обуви, то припадая к брызгам, то, при шевелении ногами, разом отлетая от них. Выглядела эта пульсация как бесконечная череда микровзрывов. Зреть их было занятно, а обонять – нет. Купить воды для мытья башмаков и пива для омовения души – это показалось мне разумной мыслью. Тем более что других и не было. Потому и направился я к шеренге тоскливых облупившихся ларьков.

В одном из них работала моя бывшая одноклассница Люська Дичугина. Дичь.

Вымыв обувь и глотнув из банки пива, я сообщил ей, что, мол, поехал в Прёт, зачем, не знаю, и, может быть, оттуда ломанусь автостопом в Крым. Или в Мурманск. Дескать, север, юг, какая разница. Нигде жизни нет, но везде живут как-то.

– Живут? Не звезды! Где ты видел, чтобы кто-то жил. Это не жизнь, а житие какое-то, – сообщила, жуя жвачку, Люська.

– Твоя-то точно житие, – подколот я Люську.

– А то! А так ты молодец, конечно, че! Сваливаешь.

– Так уж какой раз, – отмахнулся я.

– Тогда не молодец, – согласилась Люська. – А я вот мужа своего вчера отмудохала. Упырь ибо. Всю кровь из меня высосал...

– Так ты брось его.

– Кого?

– Упыря своего.

Дичь взглянула на меня искоса.

– На хрена?

– Что на хрена? – настала моя очередь недоумевать.

– На хрена бросать?

– Ну, коли он упырь, брось его.

– Ой, а то другие не такие же! Еще хуже! Кругом одни упыри. Все только и делают, что кровь сосут. Мужья у жен, жены у мужей, дети у родителей, родители у детей... И даже незнакомые и малознакомые люди друг у друга. Вот ты сидишь тут, сосешь пиво, а я у тебя сосу кровь. Че ты ухмыляешься, слегонца, но подсасываю...

– Что еще умеешь подсасывать? – едва спросив, увернулся я от пущенного калькулятора.

– Дозвездишься, будешь физраствор из капельницы сосать, – беззлобно сообщила Люська.

– Это потом. А я у кого кровь пью? – меня стала занимать забавная Люськина теория.

– Ты-то? – Люська задумалась. – Не знаю. Ты же у нас один, перекаати-поле, оторви да выбрось... Ну не пьешь, так будешь. Так жизнь устроена.

2

Объявили посадку. В микроавтобусе подбиралось общество: бородатый мужик с «Советским спортом», девка с испуганным лицом, две зло зыркающие шуршащие бабки, клочковатый, бомжеватый, нервный мужичонка, еще пассажиры.

Поехали. Я задумался. Глядя через запыленное заднее стекло с выведенной пальцем надписью «ъвобюл = ичах + ашаМ», я вдруг вспомнил прапорщика Зарембо, старшину нашей роты – заповедного баклана, крошившего башкой кирпичи. Он говорил нам, салагам-первогодкам:

– При стремительном наступлении, ушлепки, нужно чаще оглядываться назад, чтобы узнавать при отступлении местность.

Вот и сейчас я глядел на дорогу, разбитую и кривую, с захламленными обочинами, неряшливыми остановками, тощими кустами, толстыми блядами, и не мог ее узнать. Сотни, тысячи раз ездил я по ней из Кумарина в Прёт и обратно. Знаю каждую выбоину, каждый дорожный знак – и вот не узнаю! И со всякой дорогой у меня так – тянется она, тянется, неохотная, как беда, и неотступная, как тоска, а приглядишься – будто и не ходил вовсе.

– Слушай, дай пивка глотнуть, а? – Клочковатый мужичок моляще на меня взирал. – Так болею, так накрывает. Дай, не в падлу?!

Я протянул ему едва початое пиво.

– Забирай!

Мне уже не очень-то и хотелось. А Клочковатый присосался жадно, аж защелкали, сжимаясь от вакуума, стенки пивной банки.

– А ты куда едешь? – подлечившийся Клочковатый заметно повеселел.

– В Прёт.

– И я в Прёт! А зачем?

– К брату, – зачем-то соврал я, никакого брата у меня не было.

– И я к брату, – не унимался Клочковатый. – У него па-сека. Не простая, однако. И мед не простой. Братан – это хорошо! Это мы понимаем, это мы приветствуем...

Клочковатый глянул в опустевшую банку и вдруг пустил в нее длинную, от губы, слюну.

– Непростой медок-то, ох и непростой, – продолжил он так же вдруг, еще не оторвался от губы верхний край слюны. – Слышишь, собирают его не пчелы, а шмели его княжьи собирают.

Впереди кто-то хмыкнул.

– Зуб даю! – вполоборота, обращаясь ко всем сразу, сообщил Клочковатый. Затем он вынул из кармана носо-

вой платок, запустил два пальца себе в рот, за щеку, пошевелил ими там и вдруг вынул зуб.

Обведя рукой с зубом пространство вокруг себя, обтерев зуб со всех сторон носовым платком, он споро вставил его обратно. Поглядел затем на намокший от зубной слюны платок, разложил его на колене, любовно расправил, погладил пальцами узор по кайме.

– Носогреечка! – с каким-то неуместным тщеславным вещизмом заключил мой сосед и убрал платок в карман. – ...Ага, по услуге и заслуги, брательник их посылкой получил, в этом, как его, анабиозе, – продолжил Клочковатый как ни в чем не бывало спустя минуту. – Они не в ульях живут, а на ветках, как птицы. А по утранке, слышь, в дальний лес улетают, в самую чащобу, в самую тьму – и где-то там такой медок добывают, черный, пахучий: съешь ложечку – и как поперет... Лучше, чем твои грибочки. Грибочки-распоганочки.

Я улыбнулся Клочковатому той сдержанной улыбкой, что вроде бы и позволяет держать внезапного собеседника на расстоянии, и в то же время не раздражает его. Ну а как еще разговаривать с психами?

Хотя про грибочки он почти угадал. Угощался пару раз, было дело. Даже ходил однава, со случайными такими же путевыми знакомцами, по грибы. Собирал, впрочем, лишь те, на которые мне указывали. Да вот и давеча...

– А на зиму, слышишь, шмели эти князьки в землю зарываются. В те слои, что не промерзают, шурфы бурят, тем и живы. Ох и медо-о-ок... Еду к братанчику на желтом танчике...

Псих! Точно псих! Из Штыринского интерната сбежал, из-под стражи, и петлею заячьей ломит в Прёт. К брату, ага, как же! Это он подхватил просто. Сказал бы я – еду к сестре, и он бы к сестре поехал. Ему без разницы, к кому ехать, он и так поехавший.

Я почесал в задумчивости голову, и Клочковатый сделал так же. Мне это очень не понравилось. Пересесть бы, да куда ты пересядешь в забитом под завязку микроавтобусе.

Автобус подбросило на вираже, и всех швырнуло в креслах. Участились выбоины, и автобус лавировал между ними, как под вражеским огнем.

– Место у меня неудобное, – сказал Клочковатый. – Пересесть бы, да некуда.

Как ему это удастся? Как бы не убил или в падучей не скрутился. Псих всяко! А я ему пива еще дал... Я примолк и ушел в свои мысли.

Жизнь моя что? Жизнь – это круговорот событий, спираль. Взять спираль электроплитки или, скажем, обогревателя – очень часто витки перепутываются, и наступает замыкание. От любого еле ощутимого сотрясения они путаются, витки эти.

– Трамвайка, – вдруг сказал Клочковатый и, видя мое недоумение, продолжил: – Печка под сиденьем жарит, спасу нет. Эй, водила, печку можешь отключить? Поставил дополнительную печку в салон, чтобы зимой пассажиры не мерзли, – объяснил Клочковатый.

Выглядел он сейчас вполне нормально.

– Поставить поставил, а заслонку забыл переключить, – продолжил он.

– Сделано! – донеслось с водительского места. – Просто заслонку забыл переключить!

И опять я встревожился, но Клочковатый расхохотался и хлопнул меня по плечу: дескать, расслабься ты.

– Трамвайка – вещь неубиваемая. Работал на производстве, потому и говорю, – легко, впроброс, как и долженствует течь случайному разговору, добавил Клочковатый. Он вынул из-за спины пустую пивную банку, перевернул ее так, что слюна оттуда разлилась по проходу, и вдруг сжамкал ее в руках, как съезжающийся баян.

От этого неприятного звука полсалона вздрогнуло. Бабки зло зыркнули в нашу сторону из-под косынок. От общественного порицания Клочковатого спас лишь очередной, в три оборота, пируэт автобуса.

– Да ладно вам, – обратился ни к кому Клочковатый. – Трамвайка – вещь, а вот спиральные нагреватели – дрянь! Воздух жгут. А если спирали перепутаются, – он подмигнул мне, – пожар может случиться. А при пожаре не только воздух, там, бывает, и души в пепел...

Он устроился полубоком, накинул на щеку воротник и будто бы заснул.

Я еще раз оглядел весь салон, быть может, все же есть куда пересесть. Автобус по-прежнему был плотнячком.

И все же что жизнь? Виток или петля? С одной стороны, виток – это какой-никакой, а все же путь. С другой стороны, и петля – не всегда тупик. Еще в детстве я в этом убедился. Задали нам на уроке литературы выучить отрывок из поэмы Лермонтова «Мцыри». А таких дураков нет, чтобы добровольно, посреди течения жизни, учить «Мцыри». И надо же, спросили меня. Я прочитал перед уроком один раз, как знал. Вышел к доске. Сонная Влада Натановна, таблицы предложений, портреты классиков...

*Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Свое оружие...
Он завыл,
Рванулся из последних сил...*

Я помедлил.

И снова кинулся на грудь...

Три раза кряду я вонзал «свое оружие» в горло. Если это была петля, то она была и выходом. Ибо получил я тогда пять. Сонная училка ничего не заметила.

– И не вздумайте, милочка, это применять. Таблетки – это незатянутая петля! – Подвзвизг спереди разметал мои мысли, как пугливых щенков.

Это две бабки, те самые, шуршащие, нашли общую тему:

– Помет, только помет. И только куриный. Берете, в ладошке растираете и, где зудит, мажете. Только так геморрой и лечат. Поверьте, вам семьдесят пять, какой у вас опыт? И помет не от несущки, а от нетоптаной! Семя – оно что отравя!

– А вот по телевизору... – пыталась возразить вторая.

– По телевизору одни упыри, – непрерываемо заявила первая. – Телевизор от энергии питается, а где ее берет, знаете? То-то же! Да и что геморрой ваш. Вот у меня... костоед! Сначала ранка на ноге появилась, терпела я, терпела, а потом – по докторам, по врачам, по больницам. Через полгода списали, изверги. Костоед у тебя, старуха, иди домой и помирай наособицу. Ну, я думаю, не сдамся, я же физкультурница. Ковырнула коросту как-то палочкой от мороженого, он и вылез, костоед-то.

– Да ну?! – изумилась собеседница.

– Длинный, сантиметров десять, голова с ноготь и зубы как пилка от лобзика, – сообщила Физкультурница. – А за ним еще маленькие полезли. Ну, я их в таз и «Белизной» залила – долго еще копошились, умирать не хотели, бедные... Гнездились они там, стало быть.

– И откуда только че берется, – качала головой Геморройная.

– Думаю, из земли, – рассудила Физкультурница. – Там у них центр управления или Царь-Костоед какой, типа матки. А в земле косточек ох много-ого! Я в огороде

хрен копала, поранилась, ко мне через ранку личинка и заползла.

– Из земли – ни в жизнь! – подал голос, не меняя позы, будто бы спавший Клочковатый. – Там шмели князьи на страже. У княже – везде стража. Да и кость для княже – хороша поклажа.

– На какую глубину хрен прорастает – ни у какого князя ни стражи, ни догляда не хватит, – отмахнулась бабка. – Ты, алкашина, спал бы уж...

– Уж принес Еве груш, а Адамчику поднес агдамчику, – буркнул Клочковатый и устроился спать в кресле другим боком.

А меня все не отпускали мысли о дороге. Где начало этой дороги? В Кумарине или в Прёте? И где ее конец? Приходится же нам иногда возвращаться. Куда, к началу? Быть может, и нет у нее ни конца, ни начала. Вдруг это кольцо? А что есть кольцо, как не петля?

– Позвольте, – водитель притормозил и обернулся, – как это – нет конца и нет начала? Вы случайно не на радио работаете? Как ваша фамилия?

Должно, увлекшись, я размышлял вслух, и теперь на меня глазел весь автобус.

– Нет, не на радио, а с чего, собственно...

– А с того, что там такая болтовня в почете. Из пустого в порожнее, то да потому. Грызете хуже бабкиного костоеда. Тот хотя б кость грызет, а вы – голову.

– Там будто не кость? – взвился Клочковатый.

– А работать кто будет? Вы где работаете? – ни с того ни с сего спросил, показав из-за газеты лицо, до того молчавший мужик с «Советским спортом».

– Да нигде я не работаю. Еду я...

– Вот и едьте. Иначе высажу! – пригрозил водитель, будто были они с Советским спортом одно лицо. – Начало дороги есть там, где куплен билет, конец дороги

есть где? Где сдана ведомость! – И водила торжественно дал газу.

– Это не дорога, а путь получается, – возразил я, больше для себя.

– Это получается метафизика, лженаука! – распаялся Советский спорт. – Путь, дорога, пыль, туман. Сел – поехал, вышел – приехал. Все!

– Подглохни, – буркнул Клочковатый Советскому спорту. – Я вспомнил тебя, ты пьяный с моста прыгал на День военно-морского флота. Ты куда сейчас едешь? С моста до дна не доехал?!

– Да я... я от обстоятельств, может. Меня, может, задрало все, – бормотал Советский спорт, – сил ибо не было. Всю кровь выпили ибо...

– Ну и прыгал бы плашмя, чтобы об воду и в студень, – рассудил Клочковатый. – Почему головкой нырнул, почему водную гладь пронзил? Херакнулся бы плашмя и сдал ведомость! Вернуться рассчитывал? А сколько ты крови попортил родным, когда на мосту голый перед прыжком трусами размахивал... А сейчас ты в один конец едешь?

Советский спорт зашуршал газетой, пряча за ней взбагровевшее лицо. Испуганная девка на словах про голого и трусы оторвалась от окна и внимательно осмотрела салон.

Мотор внезапно взревел.

– Ай, бляха, вторую вместо четвертой воткнул, – прошептал, подмигивая, Клочковатый.

– ...яха... долбаная коробка... вместо четвертой... – донеслось с места водителя.

– Что, прекратились разговорчики?! – оглядев салон, с достойной прапорщика Зарембо воинской умудренностью спросил Клочковатый.

В салоне действительно все разом утихло. Испуганная опять глядела в окно, Советский спорт прятал на-

ливное, как алыча, лицо за газетой, и даже бабки при-
тихли и сникли.

Лишь Физкультурница буркнула было:

– И как без паспортов в автобусы пускают?..

И замолчала, ибо Клочковатый вновь скомандовал, не
поворачивая к водителю лица:

– Ты там на дорогу шибче смотри, не дрова везешь,
тебе еще ведомость сдавать.

– Я сейчас высажу кого-то! – пригрозил водитель.

– Я тебя сам высажу, – заявил Клочковатый.

И вдруг, подмигнув, заговорил вкрадчиво:

– А я знал, что брательника у тебя нет, знал... Братель-
ник что ельник, а сестрица что шмелица. Козырь в снос,
хваль под откос...

Я вежливо улыбался, а сам косил в окно. Стемнело.
Заискрились фонари поста ГАИ. Испуганная попросила
водителя остановить. Вышла, предварительно как-то
странно мне улыбнувшись. А может быть, и не мне. Ав-
тобус уже тронул, зарябили по окнам фонари, а улыбка
Испуганной все стояла перед глазами. Она будто просила
у меня за что-то прощения. Как перед вечным расстава-
нием между близкими людьми.

3

Перебирая колесами на искусственных ухабах, авто-
бус проехал пост и сейчас прибавлял скорость. Уже раз-
личались вдали огни Прёта, и были они и как избавление,
но и как тоска. И все же подходило к завершению путе-
шествие, светлели мысли и подкрадывался сон. И пускай
был он не к месту, какой уж сон в конце пути, однако на-
поминание о нем было как предвкушение. Забытья ли,
забвения... И стало вдруг мягко и уютно. И Клочковатый

притих, и лишь подвывал двигатель да мотало меж ухабов автобус. Все успокоилось и устаканилось, все пассажиры притерлись в автобусе, как детали в механизме, будто бы сроднились.

Внезапно дорога сменила направление.

Вираз, что описывал автобус, объезжая очередную выбоину, все длился и длился, и я понял вдруг, что не слышу шороха шин. Лишь двигатель выл, однако выл будто в безвоздушном пространстве, никуда не распространяя звук. Затем послышался треск. Автобус, на большой скорости пробив ограждение моста, летел в пропасть.

Очнулся я от боли в плече. Пахло псиной и паленой шерстью. Боль, сковывая ключицу, уже продиралась к голове. Сразу и не понял, где я и что произошло. Ощупал себя здоровой рукой, понял, что цел. На груди пальцы угодили во что-то липкое. Блевотина. И вновь напахнуло псиной. Помахал перед глазами рукой, пальцы раздваивались, шли полукружьем, словно японский веер, их было не сосчитать. Потом зрение сфокусировалось.

Понятно. Сотрясение мозга. Это ничего. Это, как говорил прапорщик Зарембо, на темп марш-броска не влияет.

Кое-как сел и огляделся. Светила луна, где-то вдалеке слышался шум машин, к ложбине спускался, неся покосившиеся кресты, заброшенный погост. Покореженный автобус был метрах в двадцати. Вероятно, меня выбросило через задние, багажные дверцы. Ближе к погосту слышалась возня. Кто-то удирал вверх по ложбине.

Голова кружилась и гудела, все двоилось и плыло, однако я добрел до автобуса. Водитель был мертв. Он наполовину вывалился из окна, на его лице застыла гримаса-улыбка, а в руке была зажата так и не сданная им ведомость.

«Отмучился, – почему-то подумал я. – Кончилась твоя дорога, болезный».

Пошел дальше, на шум возни. За кустами, у ручья, Геморройная и Физкультурница сидели верхом на Ключковатом и на Советском спорте и делали им искусственное дыхание. Странно как-то делали. Казалось, что рты у пострадавших находятся на уровне шеи или груди.

– Им под шею подложить что-то надо, – крикнул я.

Бабки обернулись, и в свете луны я увидел их вытянутые лица, окровавленные подбородки, растрепанные волосы и чумные глаза. Пугаться было некогда. Я развернулся...

Продираясь сквозь кресты и поросшие бурьяном могилы, я поперву слышал позади жалобный, будто бы мышинный, писк, однако вскоре он приотстал, а после и смолк.

Обернувшись назад, сквозь осаживающийся наземь туман в свете подавшейся вперед любопытной луны я увидел вдалеке Геморройную. Она лежала, уткнувшись в землю, насквозь проткнутая трухлявым могильным крестом с осыпавшейся перекладиной. Вероятно, пустившись без оглядки за мной в погоню, она напоролась на него и то ли теперь не могла встать, как подколотое в гербарий насекомое, то ли крест имел магическое действие.

Физкультурница же, как и положено ей по статусу, вырвалась вперед и едва-едва не настигла меня, однако тоже напоролась на оградку могилы. Острые пики изгороди пронзили ее по диагонали, и теперь она змеилась и кочевряжилась между ними, пытаясь встать. Однако и руки ее, и ноги болтались в воздухе и опоры никакой не имели. И она лишь тянула ко мне жилистую, костлявую шею и зыркала умными, острыми, как у живого человека, глазами.

Я выдрал из могилы позади себя крест и со всей силы врезал им Физкультурнице по башке.

– Ко мне он кинулся на грудь... – не к месту ухмыльнулся я.

Голова старухи лопнула, как вынутая из компота слива, и брызнули по сторонам ошметки. Я попятился назад. И оступился в ямину на месте выдранного креста. Завалился я на спину, в какую-то неудобную ложбину, головой ниже ног. Та нога, что попала в яму, хрустнула и нехорошо выгнулась. К боли в плече добавилась и боль в ноге. И сознание вновь покинуло меня.

Когда очнулся, туман плавал вокруг тягучим киселем, а земля подо мной была удивительно гладкой, без комьев, сучьев, камней – всего того сора, что обнаруживается на всякой земле, доведись на ней лежать долго. Будто и не земля это была, а кушетка.

Показалась луна, а за ней – чей-то силуэт. Он приближался шатающейся, неровной походкой. Луна зашла сбоку и осветила лицо. Это был Клочковатый. Грудь его и шею заливала кровь, однако лицо было чистым, потому я его и узнал.

– Братишка, – позвал я его, – встать помоги!

Он споро оказался рядом и присел на корточки.

– Братишка? – ухмыльнулся Клочковатый. Голос его перемежался хрипами, будто сдували из него воздух.

Клочковатый достал из кармана свернутый на манер бинта платок.

– Носогречка! – умилился он. Затем запустил пальцы себе в рот и вынул оттуда зуб. Этот фокус я уже видел. Клочковатый убрал зуб в карман и вновь усмехнулся.

– Братишка, стало быть? Ну здравствуй, – хрипло, с пробульком заговорил Клочковатый, – вот я до тебя и доехал! А где шмели, где рать княжья? Рать, знать, ушла срать?

И эта манера бессвязно бормотать была мне знакома, все, значит, налаживалось. Быть может, и баб-

ки-вампириши показались мне, все же сотрясение – успокаивал я себя.

– Дай руку, братишка, помоги встать. – Не успел я попросить Клочковатого, как вдруг почувствовал, что земля подо мной, и вокруг, и везде вообще пошла будто бы мелкой дрожью, зашуршала, заосыпалась.

– Вот она, вот рать княжья! – заблажил, ощерившись, Клочковатый. – Хоть и захоронена глубже хрена, а раз в год и она восстает, и всякая кость, что не гниет.

А земля все дрожала, все шуршала и осыпалась, и я вдруг увидел, коченея, как тут и там кто-то из нее вылезает. Здесь показалась спина в истлевшем пиджаке, здесь локоть, тут вдруг выпросталась из грязи костлявая пятерня. Это восставали покойники.

– Дай руку! – заорал я Клочковатому.

А он, запустивши руку, вместо того чтобы подать ее мне, в карман, вынул оттуда зуб и вставил обратно в рот. И начал склоняться ко мне.

И я все понял. И возблажил. И тщетны были мои эти нелепые, никчемные, слабые усилия. Это я тоже понял.

Упырь склонялся ко мне, и блестел в его пасти зуб, длинный, отливающий металлом, острый, будто скальпель.

– Вот она, твоя дорога! – расхохотался упырь. – Без начала и без конца!

Он бросился на меня, на мою шею и грудь оскаленной пастью, и за затылком его показалась луна. Теперь безучастная, тоже все понявшая. Пятна на ней мерцали, будто плафоны в хирургической лампе.

Я силился прикрыть лицо и шею здоровой рукой, но в нее будто впились иглой.

А вокруг восставали мертвецы и обрастали плотью, но не людской, а будто бы птичьей: тонкой, пупыристой кожей. И отрастали у них за спиной перепончатые крылья.

Эти полумертвецы-полуптицы, жуткие ночные химеры, вспрыгивали на могильные кресты, уцепившись за них когтистыми ногами-лапами, складывали крылья и будто чего-то ждали.

А Клочковатый все тянул и тянул ко мне пасть.

И виделась мне в последний час не вся жизнь, не пройденный путь, не шальная моя, кривая, с нелепым концом дорога, а почему-то людское лицо Клочковатого, а не эта жуткая маска.

– Маску! – рявкнул Клочковатый, и я горько ухмыльнулся. И эта его манера проговаривать вслух только что подуманное тобой была мне знакома. – А вот мы масочку ему, пока совсем в себя не пришел.

Показалось лицо Испуганной, в белой какой-то тканевой шапочке-скуфейке. Будто бы извиняясь, тянула она ко мне руки. И маска накрыла мое лицо, и погасла хирургическая лампа луны. И возле самого лица маска вновь обернулась пастью Клочковатого. И пасть сомкнулась на моей шее, и объяла меня вязкая пелена. В ней вновь зажглась, впрочем тускло, луна. Она, помятая, побитая, будто нарисованная нетвердой детской рукой, быстро скатывалась с неба, и небосклон серел. И разъяснялось, и восходило солнце.

И рассевшиися по могилам оборотни с надрывными криками вдруг исходили лопнувшей кожей, уменьшались в размерах и становились похожими на насекомых, будто бы даже и шмелей.

И сбивались они в стаю, в рой, и рой этот вытягивался, становился на крыло, в сторону медового леса. И отлетал в самую его гущу и чащу, где пока еще сохранялась тьма.